

— Ха-ха, мне помнится, ты и наследный принц почти одного возраста. Впредь можешь почаще приходить во дворец вместе с Мэнхуэем, составлять ему компанию и беседовать о прочитанных книгах, — император улыбался, и в его голосе слышались большие надежды.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — в один голос ответили мы с Чэн Янем.

— Благородная супруга Чжоу и Его Высочество наследный принц прибыли! — в этот момент раздался громкий, пронзительный голос Куй Шэна.

В зал вошла Благородная супруга Чжоу, чья походка была исполнена грации, а следом за ней шествовал наследный принц Чжу Цзяньшэнь.

Увидев их, господин Ли, Чэн Янь и я поспешно поднялись и с глубоким почтением поклонились.

— Мэнхуэй, дитя моё, ты так давно не навещал дворец, я ведь так по тебе скучала, — стоило Благородной супруге Чжоу увидеть Чэн Яня, как её величественное лицо озарила сияющая улыбка.

— Благодарю Вас за заботу, госпожа. Когда я был ещё ребёнком, Вы и наследный принц оказывали мне столько внимания, я храню это в сердце и бесконечно благодарен Вам, — Чэн Янь говорил искренне, и чувства переполняли его.

— Вот именно, именно так. Я до сих пор помню, как госпожа Фань души в тебе не чаяла и даже сама повязывала тебе волосы. Ха-ха... Принц, впредь приглашай Мэнхуэя почаще, он ведь такой редкий талант, — Благородная супруга Чжоу, сияя от радости, повернулась к принцу.

— Угу, понял, — наследный принц ответил небрежно, с явным равнодушием в голосе.

Император окинул взглядом стол, ломившийся от деликатесов, и, воодушевившись, произнёс:

— Раз уж сегодня здесь и принц, и два наших таланта, я загадаю первую часть двустигия. Посмотрим, кто из вас сможет подобрать вторую.

Мы с Чэн Янем переглянулись, обменялись улыбками и в один голос ответили:

— Просим Ваше Величество загадать.

Император посмотрел на лежавших на блюде крабов, и его тут же осенило:

— Краб облачён в панцирь, словно в доспехи.

Чэн Янь среагировал мгновенно:

— Феникс весь покрыт узорами, словно письменами.

Я не желал отставать и следом добавил:

— Паук полон мудрости, словно прочёл все каноны.

— Ха-ха! — император захлопал в ладоши, сияя от восторга. — Действительно, блестяще! Ну, а ты, принц, какая у тебя будет ответная строка?

Принц на мгновение растерялся, его взгляд суетливо метнулся к жареной утке на столе, и он поспешно выпалил:

— Утка ступает по воде, словно гребёт двумя вёслами.

Все присутствующие разразились громким хохотом, который эхом разнёсся по залу.

После завершения банкета гости начали расходиться. Попрощавшись с господином Ли, я поспешил за ворота дворца и окликнул Чэн Яня:

— Господин Чэн, прошу, по стойте! Три года назад на рыночной площади вы так искусно нарезали рисовый пирог и щедро угостили меня куском, не помните ли вы?

— О, так это ты, Ли Чанъань! А я всё думал, почему твоё лицо кажется мне таким знакомым, но никак не мог вспомнить, где мы встречались. Не ожидал, что мы сегодня встретимся здесь! — Чэн Янь узнал меня, и на его лице отразилось искреннее удивление.

— Я давно восхищаюсь вашим талантом и очень хотел с вами познакомиться. Мы ведь оба сдали экзамен на звание цзюйжэня, не желаете ли вы в будущем поддерживать связь и вместе изучать науки? — я с надеждой посмотрел на него.

— Ты юн, но уже так одарён, я и сам об этом подумывал, — Чэн Янь улыбнулся и без раздумий согласился.

С тех пор мы с Чэн Янем часто встречались: то в тихой чайной за беседой и стихами, то в библиотеке за изучением классических трудов. Два полных надежд молодых человека стали неразлучными друзьями, и наша дружба крепла с каждым днём.

В тот год весной я и Чэн Янь, полные стремлений и надежд на будущее, вошли в Экзаменационную палату Министерства ритуалов. Это был последний рубеж, и стать цзиньши

— заветная мечта каждого учёного той эпохи.

Экзаменационная палата напоминала закрытый город, отрезанный от мира, где испытание длилось девять дней и шесть ночей. Каждого кандидата запирали в крошечной келье, чтобы он в одиночку сражался за свою судьбу.

Глубокой ночью, когда всё вокруг погрузилось в тишину, в палате слышалось лишь шуршание кистей по бумаге — словно шелкопряды грызли листья шелковицы.

Вдруг страшный крик, подобно удару грома, разорвал тишину:

— Пожар!

В одно мгновение в углу палаты вспыхнуло пламя, подобное злобному демону. Огонь взметнулся ввысь и начал стремительно распространяться. Пламя было яростным, словно бушующий прилив, и вмиг охватило всё здание.

Кандидаты были охвачены паникой, в палате воцарился полный хаос, отовсюду доносились крики о помощи.

Я вздрогнул, кисть выпала из моих рук. Не раздумывая, я сорвал доску с рабочего стола и принялся изо всех сил колотить в дверь, вопя, чтобы стражники её открыли.

Выглянув в узкое окошко, я увидел лишь бушующее пламя и густой дым — казалось, наступил конец света. Сердце сжалось от ужаса: что же теперь делать?

Едкий дым, подобно тёмному потоку, хлынул в комнату. Я прикрыл рот и нос рукавом, продолжая другой рукой отчаянно стучать в дверь.

Шум снаружи усиливался. В какой-то момент мне послышался звон ключей, и во мне вспыхнула надежда. Я закричал изо всех сил:

— Помогите! Помогите! Откройте дверь!

В этот миг за дверью раздался знакомый голос:

— Чанъань! Чанъань!

Это был Чэн Янь! Он шёл за надзирателем и, обезумев от страха, искал меня келью за кельей.

— Мэнхуэй! Мэнхуэй, я здесь! — я надрывался, взывая к нему.

Услышав мой голос, Чэн Янь поторопил стражника, и тот наконец отпер мою дверь.

— Чанъань, не бойся! Иди за мной! — как только дверь открылась, Чэн Янь схватил меня за руку, и мы пробирались сквозь хаос экзаменационного зала.

Клубы дыма, словно гигантское чёрное покрывало, окутывали нас. Кандидаты метались в панике, как обезумевшие птицы. Кто-то, дрожа от страха, прятался под столами, кто-то пытался сбить пламя одеждой, но всё было тщетно. В палате стоял несмолкаемый гул из криков и плача.

Мы с трудом добрались до главных ворот, но, как бы мы ни колотили в них, стража наотрез отказывалась открывать. Правила были строги: пока идёт экзамен, ворота заперты наглухо, и даже если бы горы рушились или кто-то был при смерти, их не открыли бы ни при каких обстоятельствах.

Поняв, что надежды на спасение нет, люди в отчаянии смотрели друг на друга и, не имея иного выбора, возвращались обратно, пытаясь тушить огонь.

Чэн Янь заставил себя успокоиться, повернулся ко мне и тревожно произнёс:

— Чанъань, нам не выбраться. Давай найдём безопасное место, где можно переждать.

Я тяжело кивнул. Он огляделся и хладнокровно рассудил:

— Огонь распространяется по ветру, а дым скапливается наверху. Давай пробираться против ветра, ползком, ни в коем случае не поднимаясь в полный рост!

Мы опустились на землю и поползли сквозь густой дым и жар. Огонь, словно когти демона, обжигал нас со всех сторон, дышать было нечем, и каждый шаг давался с невероятным трудом.

<http://bllate.org/book/20746/2079821>